

ПОЧЕМУ Я ПИШУ

Встречи писателя со своими читателями — естественная и необходимая часть творческой жизни любого мастера пера. Немало таких встреч проводит замечательный вологодский писатель Василий Иванович Белов. Предлагаем вашему вниманию фрагмент такой беседы с молодежной аудиторией Ереванского университета.

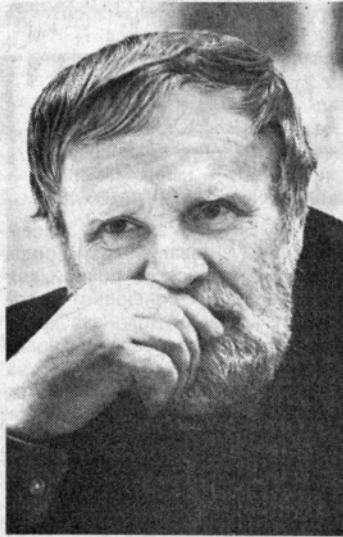
— НЕ СЧИТАЮ, что деревенская тема — главная в моем писательстве, как иной раз говорят об этом критики. Вообще я не склонен делить литературу на деревенскую и городскую, существует единый литературный процесс, а писателей я делю не по тематике их произведений, а по значительности и таланту. У нас в критике термин «деревенщик», как мне кажется, выдуман для удобства критиков. Существует изречение: «разделяй и властвуй». Так вот, чтобы лучше было властвовать над литературой, критика и придумала такое разделение — деревенская проза, городская, военная... Но, по-моему, это чисто условное деление, существует лишь литература национальная — армянская, русская, литовская или какая-либо другая. Но сейчас меня интересуют не только проблемы литературы, а в первую очередь проблемы жизни.

Одного французского философа спросили, при каких обстоятельствах может наступить конец мира. Интересно, что он не назвал ни демографического взрыва, ни атомной катастрофы, которые, по мнению многих ученых, в первую очередь грозят человечеству. Он утверждает, что цивилизация погибнет, если мужчины станут похожими на женщин, а женщины — на мужчин...

Так вот, меня очень интересует проблема взаимоотношений мужчины и женщины, семейные взаимоотношения. Мне кажется, что наша литература и искусство слишком легко относятся к семье, к половым отношениям, допускают в этом плане много вольностей и воспитывают тем самым у современной молодежи легкомысленный взгляд на семью, на отношения между мужчиной и женщиной. Меня волнует тема женской эмансипации. Вот, говорят об освобождении женщины, но от чего освобождаться, собственно говоря? От деторождения? Говорят о каком-то равноправии — какое может быть равноправие? Может быть, его видят в том, что женщина берет кувалду и забивает костыли на железной дороге? Никогда не будет такого равноправия, и это хорошо, по-моему. Пусть мужчина будет мужчиной, женщина пусть будет женщиной! Да, я стою на той позиции, что мужчина должен кормить семью, а женщина детей воспитывать — в этом ничего плохого нет. Это великое предназначение женщины — быть матерью, хранительницей домашнего очага.

У меня был задуман целый цикл рассказов на эту тему. Например, в рассказе «Чок-полчок» речь идет о семье, о вечной борьбе между мужем и женой. Причем инициатива исходит от жены. Меня обвиняли в каком-то пренебрежении к женщине, но это не так — женщине я жалею и не понимаю, зачем общество так загружает ее?

Я никогда не думал, что могу

стать писателем. Да и сейчас не считаю, что есть такая профессия. У нас в Союзе 9000 членов — это население среднего городка — все писатели. Но когда называют писателем, невольно поддаешься магии названия, сам себя постепенно начинаешь считать писателем. Писать я начал не потому, что хотелось стать известным, мне нужен был заработок. Это — во-первых, а может быть, и во-вторых. Мне хотелось сказать то, чего не могли сказать другие или не хотели говорить. Например, о положении крестьян в начале сороковых — пятидесятых годов. Я стал писать, потому что мне было еще и интересно, я почувствовал вкус к этому делу, мечтал работать в газете. Но когда я попросил направить меня работать в любую газету, один товарищ (он сейчас еще жив, шляпу снимает при встрече, раскланивается) сказал мне: «А с какой стати мы возьмем вас в газету?». Нашелся редактор, который взял меня на самую низкооплачиваемую работу в районной газете — на должность литсотрудника. Я проработал в газете около трех лет...

Литература — все-таки главный вид искусства, наиболее ответственный. Помню, мы много спорили об этом с Василием Шукшиным, которому я доказывал, что кино надо бросать, нельзя сразу стоять на нескольких путях. Он обещал бросить, но так и не смог этого сделать. А ведь он был писателем прежде всего, великолепно знал народный язык, ситуации народной жизни. Это был удивительно талантливый писатель и человек. Артистом он был и по форме, и по содержанию, образно говоря, а все-таки писателем прежде всего. Я его часто спрашивал: ну зачем тебе кинематограф? Он отвечал, что картину смотрят миллионы... На это я возражал: «Картину смотрят миллионы, но через десять лет лента устаревает, а хорошая книга — никогда». Он хотел разговаривать сразу с миллионами людей, его прельщала массовость кино. А проза его очень оригинальна. Мне кажется, он идет в ней от чехов-

ских традиций — у него есть и краткость, и динамичность, и смысловая насыщенность.

Писатель всегда должен знать, ради кого он пишет, что хочет сказать народу. Мне давно хотелось написать книгу о народной психологии, о понятии красоты в народном сознании и хотелось рассказать об эстетике северорусского крестьянина. В книге «Лад» я оговариваюсь, что это не вся Россия, это лишь северо-западный угол ее, я даже поморов не беру, потому что не знаю их быта. Мне важно было высказать некоторые драгоценные для меня мысли, идеи. Книга разбита на три части — это эстетика трудовая, бытовая и собственно фольклор, художественные народные произведения. Кончается она размышлениями о художественном образе, о природе его. В этой книге речь идет о разнообразии художественных выражений, разнообразии национальных бытовых явлений. Некоторым кажется, что если всех и все урвать, сделать одинаковыми, то крепче государство будет. Но они ошибаются. Крепость зависит от разнообразия.

Вот мысль о том, что разнообразие отнюдь не мешает, а помогает единству, и есть одна из главных мыслей этой книги. Чем разнообразнее, тем лучше! И так же внутри какого-то народа: чем больше обычаев, тем крепче и интереснее было все. Когда в Череповце я захожу в дом знакомого и вижу, что все одинаково: все, как почти у всех, мебель, жизнь — мне неинтересна такая жизнь. А в крестьянской народной жизни не было этого единообразия, в ней были веками выработанный уклад, целесообразность во всем и ритм. Мир для человека был единое целое. Столетия гранили и шлифовали жизненный уклад. Все было взаимосвязано, и ничто не могло жить отдельно или друг без друга, всему предназначалось свое место и время.

Во все времена молодежь несет на своих плечах главную тяжесть социального развития общества. Современные юноши и девушки не исключение из этого правила. Но где бы ни травили они свою неумную энергию, повсюду молодому человеку необходимы прежде всего высокие нравственные критерии... Физическая закалка, уровень академических знаний и высокое профессиональное мастерство сами по себе, без этих нравственных критериев, еще ничего не значат. Воспитать в себе эти высокие нравственные начала невозможно, не зная того, что было до нас. Культура и народный быт обладают глубокой преемственностью. Шагнуть вперед можно лишь тогда, когда нога на что-то опирается. Потому и велик интерес молодежи к тому, что волновало дедов и прадедов. Потому и будущим поколениям будет необходим наш нравственный и культурный опыт.